

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Дорогая Алла Александровна! Поздравляю Вас с выходом Вами задуманной книги "МЕЙЕРХОЛЬД и художники". Название на супер выглядит как "НАПОЛЕОН и Франция". Просматриваю ее, читаю и все чаще заглядываю в конец, где биографические справки и список иллюстраций с размерами и техникой, чего нет во многих солидных изданиях. Учусь жить и работать. Книга со мной уже десять дней не в такой уж далекой Финляндии, и могу с ней прожить еще дней пятьдесят. Не потеряю связи с родиной. Сколько же в книге близких и знакомых людей!

Не так давно я стал ходить на Курский вокзал и записывать там реплики и костюмы прохожих, более фантастические, чем костюмы во всех мейерхольдовских спектаклях вместе взятых. А тексты там же — трехэтажные. Чтобы меня не арестовали или, хуже того, не избili, я на каждой новой странице писал — Здравствуй, дорогая мама! Делая вид, что пишу письмо, ожидая поезда. Так и вам буду писать.

Мама умерла совсем недавно. У нее есть воспоминания и про Мейерхольда, правда, нелестные. Она была свидетельницей проектирования Театра и всех по этому поводу перипетий.

В детстве помню кремтовую почтовую открытку в папином письменном столе: "Миша! Приходите ко мне такого-то. Вс.Мейерхольд".

Забравшись как-то на полати, среди множества пыльных бумаг и книг обнаружил толстую переплетенную папку синек, чертежей театра и стенограммы обсуждений, прочитав которые, я побелел, столько страшного было там записано про папу и их с С.Вахтанговым архитектуру. От тех бумаг осталось лишь несколько листиков, которые я Вам показывал.

Среди прочих художников трогательная фотография двадцатичетырехлетнего Сергея Вахтангова. В.Э.М., желая поддержать сына умершего друга, предложил ему "осуществить" свой проект одного, другого, всего 4-х спектаклей. И хотя В.Э.М. мог работать с любым человеком, четыре спектакля только по знакомству не сделаешь. Видно, и младший Вахтангов ему понравился. И предложил он ему проектировать свой театр. А Вахтангов позвал Мишу Бархину — моего отца и своего товарища. Они вместе работали в Текстильстрое. У Сергея Евгеньевича в то время были запонки-листеисман, которые принадлежали Евгению Багратионовичу, и привезены они из Парижа. И вот однажды, во время проектирования театра, С.Е. прибегает и говорит: "Миша, иди скорей, там у нас новый техник, быстро-быстро чертит и двумя руками!" Это была моя мама, Новикова Елена Борисовна.

Дорогая Алла Александровна! Прошло время, папа женился на маме, а Сережа Вахтангов подарил ему эти запонки. Меня же назвали в честь Вахтангова и маминного брата Сережей. Запонки я помню все детство — золотые, размером с две копейки, с множеством концентрических окружностей и бриллиантом посередине. Совсем незадолго до смерти — 4 июня, на свой день рождения, мама подарила их мне, а я же думал, что они навеки и давно пропали. Теперь это самая большая память о маме, папе, Сергее Евгеньевиче Вахтангове, Евгении Багратионовиче и

Всеволоде Эмильевиче Мейерхольде, со всеми его художниками и архитекторами.

Чуть раньше еще две фотографии близких мне — незабвенного Леонида Николаевича Павлова и Виктора Валерьяновича Калинина. Они делали "вещественное оформление" для "Выстрела" в 29-м году. Не успел я вас познакомиться с Л.Н., а только лишь с В.В. А ведь я у них и с ними проработал три года, мои единственные три года в архитектуре.

Рассказал бы вам Л.Н., как и мне, что В.Э. приглашал его на роль Чацкого, да потом остановился на Цареве (правда, по афише играл Гарин*). Выбрал бы Павлова, может, и жизнь по-другому повернулась бы. А ведь они похожи — Павлов и Царев. Вы не забыли Л.Н., выступавшего на открытии моей выставки. Конечно, Павлов был ближе к Чацкому и Мейерхольду. И смотрел прямо, и Сталина не любил, и артистом со своими горящими глазами был бы лучше. Да, видно, не судьба им, а лишь Цареву.

Виктор Валерьянович Калинин, в послевоенном детстве моем заполнивший нашу жизнь вырезанными из согнутого ватмана жирафами, конями, коровами (научился этому вернее всего в ГУЛАГе), соединился у меня в голове со Шлепяновым, Шестаковым, Федоровым и другими "комсомольцами" в кепках и тужурках, приходивших после войны и революции к Мейерхольду или во ВХУТЕМАС

и через два-три года начинавшими делать шедевры. Выставляю я их в пример своим студентам, да у нас скорость и талант, видно, не таковы. Художники эти и множество других как-то уж слишком скромно написаны в афишах и аннотациях как исполнители планов Мастера. Но их это не унижает. Они знали на что шли и делали это добровольно, некоторые даже в письмах огорчались, что их не допускают.

* (в первой редакции "Горя уму" — 1928 — Чацкого играл Э.Гарин, в редакции 1935 — М.Царев).

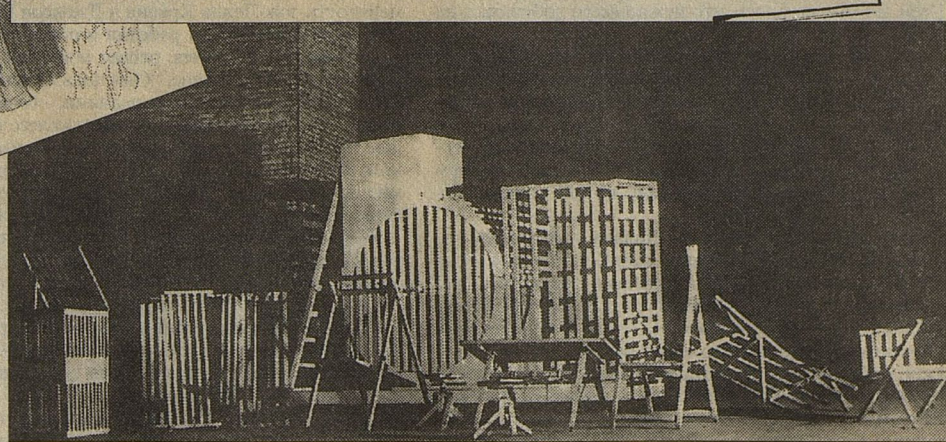

Дорогая Алла Александровна. После войны нас с сестрой Таней родители часто приводили в гости к дедушке — Григорию Борисовичу Бархину на Пушкинскую площадь, в дом Нирензее. И вот в серый непоздний вечер мы где-то возле аптеки (сейчас фонтан перед МакДональдсом) ловим такси. Папа-полковник, вполне уважаемый толпой на улице, аккуратный и радостный держит нас за руки. К нам подходит очень робкий, сутулый, высокий, плохо одетый человек. Они долго вспоминают минувшие дни. Одну из первых грустных фраз помню: "Миша, я теперь работаю в ТЮЗе", и махнул рукой, загнул ее в воображаемый переулок Садовских. Позже я понял, что это был П.В.Цетнерович — ученик, режиссер и режиссер-лаборант во множестве спектаклей В.Э.Мейерхольда и на множестве страниц вашей книги. На фотографии рядом с Маяковским и Мейерхольдом — Цетнерович. Клянусь, я узнаю его, того человека с Пушкинской площади (мне было лет 9). А ведь если так, то и лучший спектакль моей жизни "Три мушкетера" в ТЮЗе с Гореловым сделал тот человек.

Сколько же в этой книге знакомых — В.Я.Шебакин 30-го года (отца которого я помню в 50-х.), М.Л.Старокадомский, на даче которого мы прожили 3 замечательных года на Николиной Горе, когда мне было 14, 15 и 16 лет. Отлично помню и его отца — врача экспедиции О.Ю.Шмидта. Михаил Леонидович тоже был очень скромный и грустный человек. Не о Мейерхольде ли все они грустили? А.М.Мессерера знаю не только как отца Бориса, но с по-

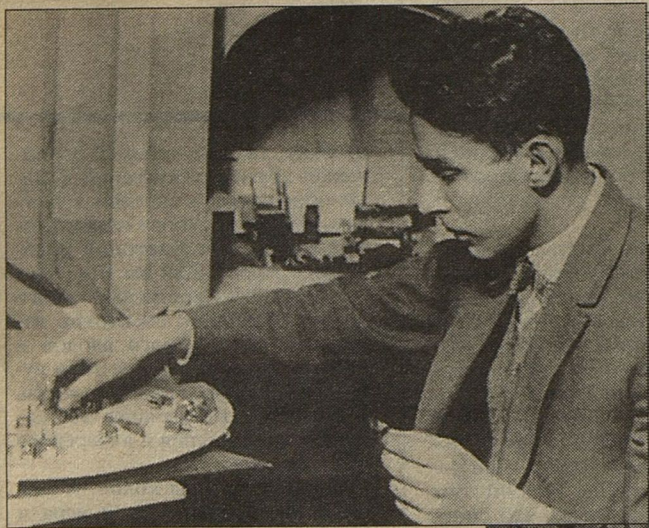
Мейерхольд

В издательстве "ГАЛАРТ" вышла книга "Мейерхольд и художники" (автор концепции издания и вступительной статьи А.А.Михайлова, составители О.В.Мигасова, Л.М.Данилова, Н.М.Зайцева, Н.П.Макарова, художник книги Г.Б.Лукашевич, редактор Н.Н.Дубовицкая). Уникален изобразительный материал: эскизы декораций, макеты, афиши, технологические разработки более, чем к 70 спектаклям Мейерхольда. Работы А.Головина, Н.Сапунова, С.Судейкина, Д.Стеллецкого, Н.Ульянова, В.Дмитриева, Л.Поповой, А.Родченко, В.Степановой, В.Шестакова, И.Шлепянова, Кукрыниксов, А.Дейнеки, Л.Чупятова, А.Тышлера. Черда открытий. Огромное количество фотографий, многие из которых публикуются впервые: портреты В.Э.Мейерхольда, художников, мизансцены спектаклей, репетиционные моменты, повседневная жизнь театра. Публикуются заметки Мастера об оформлении спектаклей, воспоминания художников о работе с ним, фрагменты критических статей, дискуссий, а также несколько исследований современников и учеников Мейерхольда. Есть в книге и архитектурный сюжет: история проектирования нового здания ГосТИМа, попытка создания небывалого театрального комплекса, полностью отвечающего творческим принципам Вс.Э.Мейерхольда (авторы проекта С.Е.Вахтангов и М.Г.Бархина). Архитектурно-правительственная "редактура" проекта, искажение замысла, катастрофа. Гибель проекта, гибель Мастера. Эта книга вызывает множество размышлений и воспоминаний. Мы публикуем одно из них, принадлежащее известному сценографу Сергею Михайловичу Бархину. Он предпочел выразить то, что нахлынуло при чтении книги, в форме письма А.А.Михайловой.

Экран и сцена —

2 савон
Же/Ж

слевоенных времен он упоминался в семье как счастливый соперник дядюшки.

И все они работали у Мейерхольда. Но больше их, может быть, Изакиил Ефимович Мальцин, скромно стоящий в самом низу винтовой лестницы Лисицкого из "Хочу ребенка" вместе с Мастером и все тем же Цетнеровичем. И.Е.Мальцина помню тоже с самого детства. Меня приводили в его круглую комнату, расположенную в башне на площади Пушкина, симметрично с домом ВТО, на которой ранее располагалась скульптура социалистической женщины в развевающейся юбке. Он был и конструктор, и механик, и архитектор, и сценограф. Он выдумал множество сцен театров и для Охлопкова, и для Завадского, и для Брянцева (детского, настоящего), помоему, даже для "моего" Горьковского ТЮЗа. Он показывал мне, маленькому, макетики (очевидно, в масштабе 1:50) простеньких декораций на малой сцене ЦТСа. Там он работал. И до сих пор сохранилось

вестна история со Станиславским, светом убившим дымчатый спектакль Сапунова, Судейкина и Мейерхольда "Смерть Тентажиля". Достаточно было лишь уничтожить декорацию, как и ничего не осталось от спектакля (это к вопросу "Мейерхольд и художники").

И ХУДОЖНИКИ

его детище — огромный механический макет сцены ЦТСа со светом, кругами и прочим.

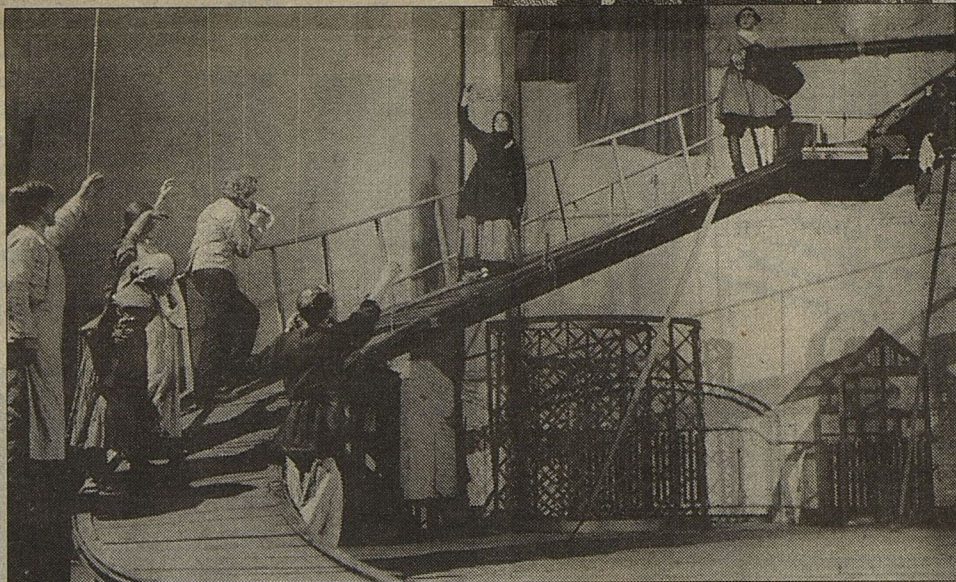

Дорогая Алла Александровна! Может, Вам милее слова по поводу сути книжки, но что поделаешь, увидел фотографии и нахлынули воспоминания. Ведь все эти люди уже умерли...

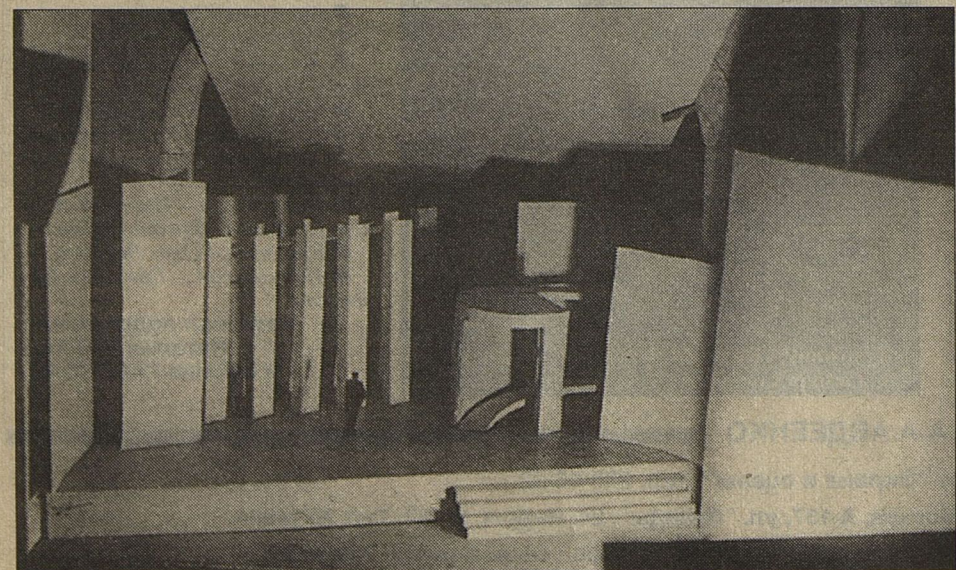
Попробую по сути. Коллекция Бахрушинского музея, конечно, уникальна. Ваши коллеги и соавторы-составители — работники музея тоже мне знакомые, тоже замечательные, и книга достойна продаваться в Нью-Йорке, Лондоне, Берлине, Париже. И не за 10 долларов. От западных изданий ее отличает лишь толстая офсетная бумага, но может так и лучше она отличается.

На первой же странице Вашего текста спотыкаюсь еще на одной фамилии Алексея Ремизова, соблазнившего В.Э.М. символизмом. А.М.Ремизов — двоюродный брат моей бабушки Т.А.Найденовой.

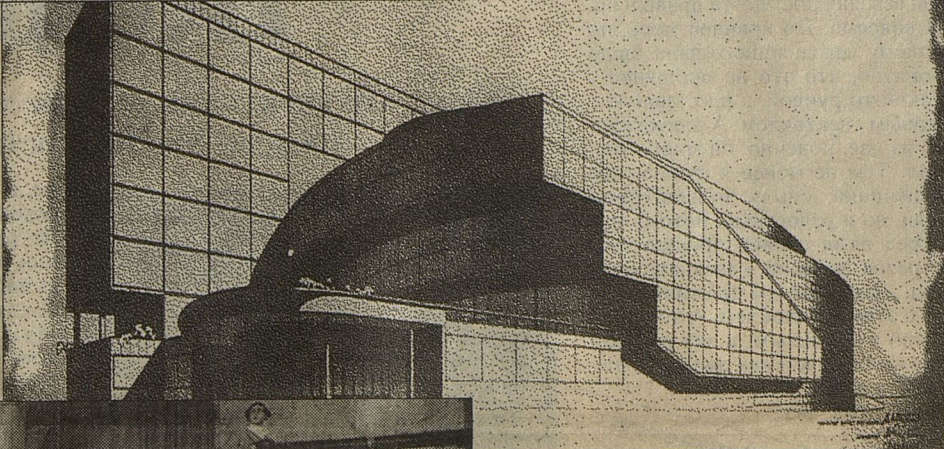
Мне, необразованному, была неиз-

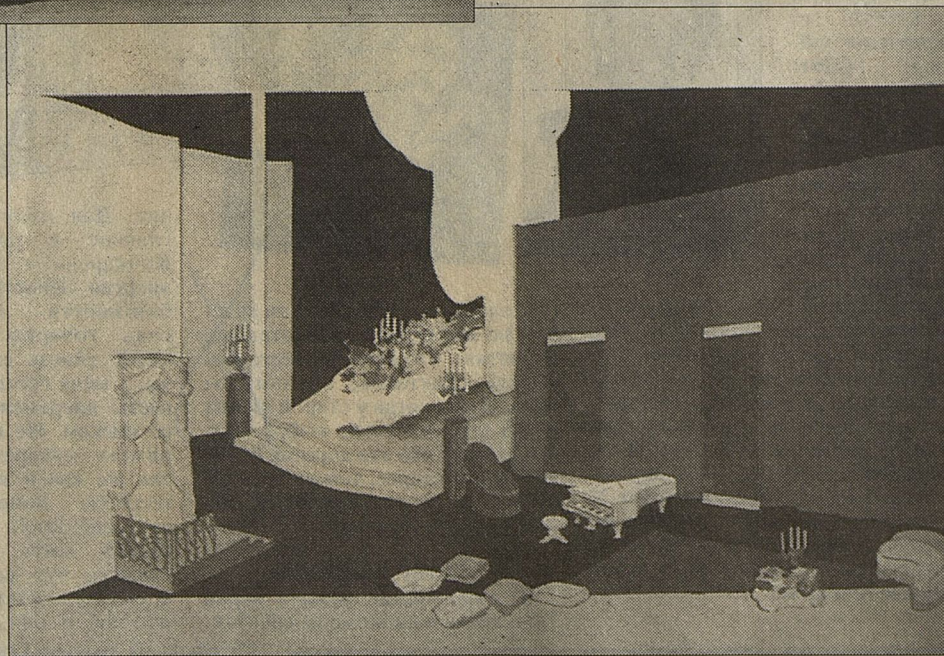
Самые сильные эмоции вызвали воспоминания Н.Мологина (1926 г.) заведующего монтажной частью театра. "Нора" (Ибсена): за 1 час решен спектакль, с 6 до 7 часов вечера в день премьеры! Справед-

Зрание и сцена —

- Показ В.Э.Мейерхольда и Э.П.Гарина для "немой сцены" из "Ревизора".
- В.Э.Мейерхольд на репетиции.
- В.Степанова. Элементы оформления "Смерти Тарелкина".
- Н.Ульянов. Костюм Софьи для "Горя уму".
- Е.С.Вахтангов у макета оформления.
- Г.Б.Якулов. Эскиз декорации "Мистерия-Буфф".
- В.Э.Мейерхольд, М.Г.Бархин, С.Е.Вахтангов. Проект нового здания Гостима, 1932, общий вид.
- "Лес". Фрагмент спектакля.
- И.Лейстиков, "Дама с камелиями". Эскиз декораций.
- "Список благодетелей" (макет оформления).
- И.Лейстиков, С.Вахтангов. "Список благодетелей" (макет оформления).

ливое сетование на непрофессионализм В.Степановой в "Смерти Тарелкина": доморощенно-механическая мебель. Поди сделай ее, и на-

чали делать! Заработки. Сборы. "Земля дыбом" — все без денег, нечего было тратить. И сегодняшний день — наши монтировщики, вымогательства, тысячи долларов, их перекачка, накладные, неизвестные цены даже среднего костюма. Долой романтизм, честь и Театр?

Дорогая Алла Александровна! Разнервничался, писать о прошлом не хочется, а о настоящем даже думать. Выпускаем с Г.Яновской мюзикл "Кан Кан" в АБО СВЕНСКА-театре, построенном Леонтием Бенуа. Зал на 300 мест и сцена замечательны, но что-то грустно.

28 сентября 1996 года.

Простите, так как написано явное не то.

Сергей БАРХИН.